

фонетики, морфологии и словаря²⁰ образуют изоглоссы с греческим, причем либо эксклюзивные, либо такие, в которых греческий принимает участие, что является бесспорным свидетельством их особой близости. Что касается других языков аугментного ареала, и в частности армянского, то необходимо иметь в виду главную особенность, которая отличает их от старофригийского, а именно — отсутствие в последнем ассимиляции палатальных смычных²¹.

В заключение отметим, что наши замечания по отдельным надписям, как и наблюдения более широкого плана целиком подтверждают общую весьма высокую оценку нового старофригийского свода, данную в начале настоящей рецензии. Изданию К. Брикса и М. Лежена присущ строго научный подход: в публикации старофригийских текстов верно соблюдено соотношение между воспроизведением и интерпретацией при том, что последняя — впервые в истории изучения старофригийского — лаконична и содержательна одновременно. Значение данного труда далеко выходит за пределы собственно фригийских исследований; как образец научной строгости и высокого эдичионного качества, как ценный источник сведений о древней культуре Малой Азии, этот труд представит большой интерес и для специалистов по другим индоевропейским языкам, и для историков, интересующихся этим регионом.

Л. С. Баюн, В. Э. Орел

²⁰ Выявлено более 30 эксклюзивных греческо-старофригийских лексических изоглосс, полный список которых приводится в статье, подготовленной авторами рецензии.

²¹ Интересно, что в старофригийском отсутствуют знаки для передачи таких звуков, как *s*, *z*, *ž* и т. п., что для любого сатемного языка в целом невероятно.

F. LE ROUX, CH.-J. GUYONVARCH. *La Civilisation Celtique*. Rennes, Ogam — Celticum, 1982, 167 p.

Кто такие — кельты? Когда и откуда появились они в Европе? Применимо ли само понятие кельтская «цивилизация»? В чем причина почти полного их исчезновения? Все эти вопросы, стоящие перед учеными вот уже более двухсот лет, до сих пор не имеют окончательного и однозначного решения и до сих пор, говоря о кельтах, употребляют слова «загадка, тайна, секрет». Огромный археологический, историографический, лингвистический и фольклорный материал, накопленный за эти годы, остается по-прежнему лишь материалом, на базе которого возникают разнообразные и часто противоположные друг другу гипотезы. Потребность обобщить их, пересмотреть, проанализировать и по-новому взглянуть на имеющиеся в распоряжении ученых данные назрела давно. Попытка подобного обобщения и одновременно новая и оригинальная интерпретация хорошо известных фактов содержится в книге известных французских кельтологов Франсуазы Ле Ру и Кристиана Гуйонварха, в книге, призванной «не упростить материал как таковой, но представить его в максимально ясной форме» (с. 11). Рецензируемая книга содержит две части: 1. Кельты во времени и пространстве. 2. Духовный мир кельтов.

«Изучение кельтов состоит не столько в открытии новых данных, сколько в правильном использовании данных, уже известных», — справедливо отмечают авторы во введении к книге (с. 11). Свою основную задачу они видят не столько в создании еще одной теории, объясняющей особенности этногенеза и исторических судеб кельтов, сколько в попытке по-новому интерпретировать сохранившиеся источники, в первую очередь греческие и римские свидетельства, во многом поверхностные и тенденциозные; по их мнению, сама система «искажений», которые присутствуют в исторических сочинениях античных авторов, оказывается для современного историка необычайно интересной, так как именно в ней проявляется глубокое типологическое несходство между греко-римской и кельтской цивилизациями. Так, по мнению авторов, наименее поверхностно и наиболее полно описано кельтское общество у Цезаря, однако и ему,

с их точки зрения, не удалось до конца понять социальную сущность института друида: его мышление в этом отношении подчинялось иным законам.

Этногенетические корни кельтов уходят в глубокое индоевропейское прошлое. Западная волна крупных миграций, начавшихся, по мнению авторов, четыре тысячи лет назад на севере Евразии¹, довольно быстро распространилась почти по всей Центральной и Западной Европе и положила начало возникновению этнической общности, получившей потом название кельтов. В ходе своего распространения они встречали и частично ассимилировали коренное население занимаемых территорий, население, о котором нам известно еще меньше, чем о самих древних кельтах, и память о котором сохранилась благодаря загадочным монументальным мегалитическим сооружениям — менгирам, дольменам, кромлехам. Докельтская культура Европы получила в книге название «неолитического субстрата», и отделение возможных элементов этого субстрата от явлений чисто кельтских авторы считают одной из важнейших задач исследования. Однако постановка вопроса, пусть даже верная, не есть его решение, и связанные с этим трудности (все они проанализированы в книге) делают данную задачу практически невыполнимой, к тому же сами авторы предостерегают от слишком поспешных выводов, например, от стремления увидеть реликт палеолита в кельтском обычае отрубать и хранить головы врагов. Впрочем, надо отметить, что сама идея докельтского субстрата не так уж нова и встречается в трудах ученых-кельтологов довольно часто. Так, например, Ян Филип в книге «Кельтская цивилизация и ее наследие» пишет: «В IV—III тысячелетиях до н. э. на плодородных и равнинных местах Подунавья мы встречаемся с древнейшими земледельцами, крупные поселения которых, по всей вероятности, стали субстратом, на котором формировались отношения и связи в более позднее время. Их культура в настоящее время нам сравнительно хорошо известна, но их этническая принадлежность не совсем ясна и с помощью средств, которыми мы располагаем в настоящее время, ее восстановить нельзя»².

Говорить о кельтах как этнической общности можно с относительной определенностью лишь с середины I тыс. до н. э., т. е. с начала так называемой латенской культуры (V—I вв. до н. э.). Именно на этот период и приходится время наибольшего распространения кельтов в Европе.

Каковы же источники, по которым мы можем судить о том, что представляло собой кельтское общество того времени, его культура, язык, социальное устройство? Кроме античных источников, обладающих своей спецификой и требующих необычайно осторожного обращения, авторы выделяют и источники чисто кельтские — эпиграфические памятники, вырубленные на территории Галлии при помощи латинского алфавита (к ним относятся в первую очередь латинские подписи под изображениями кельтских богов), а на островах — так называемым огамическим письмом (сочетание точек и поперечных линий разной длины и наклонов; надпись обычно наносилась на вертикально установленный камень и читалась снизу вверх). К источникам авторы относят также реликты древних верований, сохранившиеся в современной обрядности и фольклоре, и, что особенно важно, древние эпические предания островных кельтов, валлийцев и ирландцев. Последние представляют для истории наибольший интерес, так как в них в своеобразно трансформированной форме сохранились коллективные воспоминания о каких-то реальных событиях. Особенно интересны с этой точки зрения, как отмечают авторы книги, два цикла ирландских эпических преданий-саг: мифологический, повествующий о волнах поселенцев, по очереди вторгавшихся в Ирландию (основной памятник цикла — «Книга захватов Ирландии»), и уладский, рассказывающий о событиях, происходивших в период с I в. до н. э. до конца I в. н. э. на территории современного Ольстера (центральная эпопея цикла — сага «Похищение быка из Куальнге», основа сюжета которой — война между Уладом и другими «пятинами» Ирландии, в первую очередь; Коннахтом). Безусловно, эпос и история] находятся в довольно сложной взаимосвязи, однако в эпических преданиях, на наш взгляд, можно найти иногда ключ

¹ Вопрос о том, где была прародина индоевропейцев, сам по себе является предметом не прекращающихся дискуссий; в любом случае точка зрения авторов представляется малообоснованной.

² Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 15.

к объяснению реальных исторических явлений, так как именно в них наиболее ясно проявляется дух народа, его система ценностей, его способ жизни и мировосприятие.

Что же представляло собой кельтское общество в период своего расцвета и можно ли усмотреть в нем причины его будущего упадка? В своих «Записках» Цезарь писал, что в Галлии общество делилось на «друидов и всадников», кроме того, существовали еще и «плебеи». На самом деле, как отмечают авторы книги, все обстояло немного иначе: основной производительной силой общества были крестьяне, причем свободные (чего не смог понять Цезарь). В Ирландии, несколько отстающей от Галлии по социальному развитию, эта обширная группа населения носила специальное название *bó aete*, букв. «коровьи люди», так как скотоводство было основным их занятием, а сам скот — основной мерой всех материальных благ. Между крестьянами и «всадниками» в приципе не было такой уж резкой границы. Это утверждение авторов книги можно подтвердить фактами из того же ирландского эпоса. Так, например, в саге «Недуг уладог» крестьянин Крунху сидит за одним пиршественным столом с королем; в других сагах описаны войны, занимающиеся разведением коров, и т. д. Общество еще не вступило в стадию расслоения по принципу отношения к средствам производства и, как может показаться, как будто и не спешило в нее вступать.

Наиболее интересной из выделенных Цезарем групп населения, несомненно, представляются друиды. Встречающийся практически у всех народов, институт жречества у кельтов отличался особой численностью, масштабностью, эзотеричностью и иерархичностью, сопоставимой разве что с местом и функциями в обществе жрецов-брахманов в древней Индии. Именно друиды оказываются у кельтов (особенно в Галлии) носителями и исполнителями не только чисто религиозной, но частично и государственной власти. С этим, как пишут авторы книги, связано «отсутствие юридического понятия государства в том смысле, в каком звало его римское право» (с. 61). Эта мысль представляется очень интересной и проливает свет на некоторые особенности исторической судьбы кельтов. Действительно, кельтское общество, каким оно предстает в местных эпических преданиях, ориентировано в первую очередь на межличностные отношения, понятие верности государству и соблюдение государственных интересов выражено чрезвычайно слабо по сравнению с идеей личной верности своему вождю, тоже весьма относительной. В качестве иллюстрации данной мысли авторы приводят сугубо личную причину начала войны между Уладом и Коннахтом в саге «Похищение быка из Куальнге»: желание королевы Медб иметь чудесного быка Бурого из Куальнге. Подобных примеров в ирландском и валлийском эпосах можно встретить еще множество, но наиболее ярким нам кажется поведение Фергуса, одного из героев уладского цикла, в саге «Изгнание сыновей Уснеха»: узнав о том, что король уладов Конхобар нарушил данное им Найси и его братьям слово, Фергус со своими сторонниками поджигает стелю уладов Эмайн Маху, а затем переходит на сторону коннахтов, т. е. своих бывших врагов. Следует вспомнить, кстати, что этот же Фергус был до Конхобара королем уладов, но затем по просьбе матери Конхобара (!) уступил ему свое место. Подобная слабость государственной власти у кельтов, отсутствие самой идеи отечества послужили, по мнению авторов книги, одной из важнейших причин столь легкого и быстрого завоевания Галлии Римом, представлявшим собой образец совершенно другого социального устройства. Кельты легко теряли политическую независимость, потому что не имели собственной четкой политической системы. При этом в книге подвергается резкой критике широко распространенная в литературе мысль о том, что одной из основных причин упадка кельтов было отсутствие единства среди кельтских племен. На наш взгляд, обе эти идеи не противоречат друг другу, но, напротив, оказываются тесным образом связанными: именно отсутствие ориентации на твердую государственную власть и преобладание личных интересов по сравнению с государственными делами практически невозможным объединение нескольких племен в крепкий политический союз.

Утрата политической независимости еще не означает утрату независимости культурной. Почему за завоеванием Галлии Цезарем последовала ее романизация, затронувшая практически все сферы жизни, включая религию и даже язык населения? Авторы книги считают, что причина этого — в элитарности кельтской культуры, в гипертрофированной эзотеричности друидов, сосредоточивших в своих руках весь духовный багаж племени. С изменением политического устройства институт друидизма оказался «вне закона» и автоматически «вне закона» оказалась и вся национальная культура.

Хотя наиболее распространенные формы античной цивилизации не прослеживаются в кельтском обществе даже в период его максимального расцвета, но цивилизация, по мнению авторов книги, может выражаться и в другом — в создании, совершенствовании и хранении глубокой религиозно-философской доктрины, доступной для немногих. Именно этим общество древних кельтов отличалось не только от общества своих «цивилизованных врагов» — греков и римлян, но и ближайших соседей — германцев.

Духовному миру кельтов целиком посвящена вторая часть рецензируемой книги. В ней авторы подвергают сомнению многие «традиционные» с точки зрения современных ученых элементы религиозных представлений кельтов — пережитки тотемизма, антропоморфизм, политеизм, метемпсихоз. Вместо этого в книге выдвигается интересная, хотя и спорная мысль о тяготении религиозных представлений кельтов к монотеизму, воплощаемому не в антропоморфном образе (антропоморфные изображения богов они считают целиком результатом античного влияния), но в некоем идеальном представлении о божестве как высшей духовной силе. Кроме того, в книге содержится новая трактовка представлений древних кельтов о загробной жизни: отвергая традиционную идею о вере кельтов в переселение душ, авторы пытаются найти и находят в фольклорных и эпических преданиях реликты представлений о некой чудесной стране, куда уходят после смерти души земных людей. Такая страна действительно существует в кельтских легендах — расположенная на островах, дне озер или в недрах холмов она представляет собой своеобразный «рай», где царят изобилие и вечная молодость, где не движется время и иначе устроено пространство. Однако, как нам кажется, «иной мир» кельтских преданий параллелен миру земному, а не следует за ним. Он в отличие от германской Вальгаллы, греческого Тартара или христианского Рая населен не душами умерших, а особыми существами — сидами, чудесным «народом богини Данан». Смертные в преданиях, как правило, лишь посещают этот мир и возвращаются назад. С другой стороны, приводимые авторами доводы против веры кельтов в переселение душ (эпизодичность и исключительность этого явления в преданиях) убеждают читателя. Таким образом, проблема представлений кельтов об ином мире, как, кстати, и их космогонические представления, остается открытой и ждет дальнейших исследований. Тяготение к монотеизму, с одной стороны, и элитарность духовной культуры — с другой, явились, по мнению авторов, решающими факторами быстрого распространения среди кельтов христианства, положившего конец их национальной самобытности.

Во второй части книги дается также детальное описание структуры «сакрального класса» кельтов, состоявшего из друидов, филидов (поэтов-сказителей) и пророков³.

В «Заключении» к книге авторы еще раз формулируют свои основные выводы: 1. Между кельтами и античным миром никогда не было и не могло быть антагонизма варварского и цивилизованного обществ. Кельтская цивилизация, несомненно, существовала, но была иной, чем греческая и римская: как сказали бы современные психологи, не «экстравертной», а «интравертной». 2. Неверно говорить, что кельты не были способны объединиться. Их объединение было не политическим, а духовным. 3. Наибольший свет на особенности духовного мира кельтов может пролить его сопоставление с древнеиндийским обществом⁴.

Причины упадка кельтов авторы книги видят в их романизации, христианизации и германских завоеваниях.

Книга Ф. Ле Ру и К. Гуйонварха, на наш взгляд, являет пример того, как можно совершенно по-новому интерпретировать хорошо известный и устоявшийся материал. Полная остроты полемики, иногда спорная и не свободная от элементов проявления кельтомании, она показательна для современного уровня мировой кельтологии и будет интересна всем, кого привлекает история кельтов и шире — история древнего мира и средневековья.

Г. А. Михайлова

³ Более подробно этот вопрос освещен в недавно вышедшей книге этих же авторов: *Les Druides*. Rennes, 1982.

⁴ Проблема кельтско-индийских параллелей встречается в трудах ученых довольно часто. Этому специально посвящена книга: *Dillon M. Celts and Aryans*. Dublin, 1975.